

Я.А. Нелепа

*магистрант, Высшая школа словесности,
европейских и восточных языков
науч. рук. доц. О.А. Пономарева*

Проблема авторской маски в романе А. Битова «Пушкинский дом»

Постмодернизм, пожалуй, считается одним из наиболее ярких направлений в современной литературе. Вплоть до настоящего времени он порождает активные обсуждения в сфере интеллектуальной элиты. Они ведутся вокруг содержания термина «постмодернизм», периода

возникновения, генезиса, уровня самобытности данного явления и так далее. В последнее время возникает немало теоретико-методологических, научных, критических трудов, приуроченных к эстетике постмодерна, философии, стилю, поэтике, из числа которых следует выделить труды И.П. Ильина [1: 374], М.Н. Липовецкого [2], Н.Б. Маньковской [3: 347], И.С. Скоропанову [4: 9-10] и др. Помимо этого, явление постмодернизма представляет собой особый интерес для диссертационных исследований.

При всей многоаспектности исследований, реализованных в последнее время, все же остаются моменты, рассмотренные, на уровне автономных суждений или замечаний, которые носят сопутствующий характер при рассмотрении имеющихся проблем. Одним из подобных неизученных аспектов, можно предположить, считается проблема субъектной организации в постмодернистском пространстве, т.е. выражение авторского сознания в русском литературном постмодернизме.

Автора, становящегося персонажем в постмодернистском тексте, который расщепляется на большое количество alter ego, отмечают термином «маска автора», который был предложен зарубежным критиком К. Мамгреном.

В постмодернистской литературе, таким образом, рождается абсолютно другой взгляд на образ автора.

Авторская маска является важным аспектом постмодернизма, которой уделяют большое количество внимания как зарубежные, так и отечественные ученые. Таким образом, И.С. Скоропанова предлагает разделить понятие «авторская маска» на три подвиды:

1) непосредственно «маска автора». «Это принцип игровой реализации образа автора, который предполагает введение его в текст в роли травестированного автора-персонажа, колеблющегося среди позиций гения/клоуна, осуществляющего повествование;

2) псевдоавторская персонажная маска представляет в тексте значимость Автора, но, в сущности, им не являясь, и не приближаясь к нему. Отмечу, что эта маска схожа с сказовой литературой, в которой стилизованная речь рассказчика противопоставлена точке зрения автора. В постмодернистском тексте данная ситуация усиливается тем, что позиция маски иронична и пародийна;

3) постмодернистская гиперперсонажная маска. Она «подразумевает проектирование с помощью симулякров «мерцающего» гибридно-цитатного образа «героя-рассказчика», осуществляющего повествование [5: 72-73].

А. Битов с точки зрения постмодернизма смотрит на взаимоотно-

шения автора и героя, на развитие сюжета, на власть автора над героем; по-новому им расценивается уровень культуры, политическая власть и их воздействие на жизнь и судьбу обычных людей и так далее.

Проблема «автор-герой» становится предметом для размышлений А. Битова в самом тексте романа «Пушкинский дом».

Следовательно, отношения автора и его главного героя – это роман в романе. Создавая героя «из себя самого», писатель в таком случае акцентировано дистанцируется от него, ведет себя по отношению к Леве Одоевцеву как беспристрастный судья. Их отношения, однако, приобретают новые стороны. Согласно тому, как образ «материализуется» и воспринимается, в итоге, как «готовый», он наиболее дорог Битову, и в то же время автор осознает, что его герой исчерпал себя, и поэтому необходимо заканчивать роман. Но писателю грустно прощаться с героем, и, вопреки литературным канонам, он дарит Леве Одоевцеву «посмертное существование». Это существование не столько литературное, сколько литературоведческое, даже культурологическое. В пространство литературоведения и культурологии и выходит Битов и выводит туда своего героя. Новоиспеченного, «построманного» Леву он именуется уже человеком и обращается с ним не как с персонажем, в полной мере зависящим от воли создателя, а как с живым существом, таким же самостоятельным, как он сам [5: 509].

Битов преследует одновременно несколько целей: доказывает полноценность сформированного им художественного образа, его действительность (герой реален не менее, чем автор); подчеркивает то обстоятельство, что в сфере литературоведения сам автор является персонажем посвященных ему и его герою работ и в этом качестве они одинаковы; разъясняет литературоведческую реальность как продолжение литературной реальности, в каком месте автор парадоксальным образом способен узнать о герое что-то такое, чего не знал о нем ранее. И все же литературоведческий Лева Одоевцев у Битова значительно анемичнее литературного, хотя совершенно похож на самого себя. Таким образом, подчеркивается преимущество художественного метода мышления над научным, литературоведение ориентируется на сплочение с литературой. Художественную действительность писатель характеризует как продукт, концентрирование жизненной реальности.

Авторская маска в романе «Пушкинский дом» считается связующим центром, который соединяет текст, спасая его от коммуникативной бедности; не считая заложенной в авторской маске тенденции к самопародированию, лишает текст однозначности и категоричности единого прочтения.

Библиографический список

1. Битов А.Г. Пушкинский дом. Империя в четырех измерениях. Измерение II. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. 509 с.
2. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: Интрада, 2001. 374 с.
3. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. URL: <http://philosophy.ru/library/misc/lipovecku.html> (дата обращения: 27.03.2017).
4. Маньковская Н.Б. Эстетика пост-модернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
5. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. 3-е изд., доп. М.: Флинта: Наука, 2001. 608 с.